

Ирина ГУМЫРКИНА,

куратор книжной серии и главный редактор журнала «Дактиль»

«НА ЯЗЫКЕ ШАВЕРМЫ»

«На языке шавермы» Павла Банникова – это четвёртая книга книжной серии журнала «Дактиль». Поэтический сборник охватывает большой временной промежуток, но все события, как сказано в аннотации, так или иначе взаимосвязаны, от них *«не получится схорониться»*.

Каждый блок книги – а их пять – это рефлексия на определённое событие: будь то наша история (*«телевизор не рассказывает / что сталин хороший – / об этом мне рассказывает / алматинский таксист / кореец / деда и бабушку которого в / людских / вагонах / отправили в казахстан»*); или пандемия, которая, казалось, никогда не закончится, но *«когда чума закончилась – / сначала мы протрезвели»*, потому что, несмотря ни на что, *«побеждала жизнь»*; или личная утрата (*«мама, я поел»*); или война, начавшаяся 24 февраля 2022 года: большой блок стихотворений об этом – «Мясо» – как раз открывает книгу.

Все эти события взаимосвязаны потому, что автор – и читатель вместе с ним – ищет ответ на вопрос: «кто я?». Для казахстанских авторов, пишущих на русском языке, этот вопрос всегда был актуальным – кто мы: русскоязычные авторы Казахстана, казахские авторы или казахстанские авторы? И этот вопрос идентичности стал ещё более острым именно после начала войны. А потому блок военных стихов Павла Банникова предшествует довоенному. В стихах этого блока много «русских»: *«русские не хотят войны»*, *«немного русские в холодной воде озера Комо»*, *«русский мальчик на санках»*. Но всё это – несколько чужое, иностранное. И потому «масковский русский» непонятен – ближе, роднее «язык шавермы», смесь русского, казахского и кыргызского. И так тесно соседствует с ними сам автор, он же – Кенжебай, который стал заложником географического пространства, но не потерял себя в попытках выйти из этого тупика, в который заводит разделение на «чужих» и «своих» – он так и остался казахским русским (*«дым моего отчества пахнет не слаще»*, *«цифровой ГУЛАГ»*, *«песок АЛЖИРа до сих пор перекачивается / в моих ботинках»*, *«Орынбор – наша земля»*, *«тропой народной иду – в степени инородный ... я – кочевник»*).

Раздел, давший название книге, как раз подчёркивает идентичность Павла Банникова, его не только «казахстанскость»: *«брат ысык это наше ыстық»*, но и «алматинскость»: *«кот этого города – чёрный мысық / ласковый мысық... / оплетает хвостиком щиколотки – / не скрыться / не убежать»*. Убежать от своей принадлежности действительно не получится: где бы ты ни был, на каком бы языке ни говорил, *«у тебя нет другой земли»* кроме.

В своём предисловии к книге Дмитрий Кузьмин пишет, что, читая некоторые стихотворения Павла Банникова последнего времени, размышлял: не есть ли это рождение русской поэзии Казахстана как отдельной национальной литературы? Но, на мой взгляд, поэзия Павла Банникова – это не зарождающаяся отдельная литература, а важная составляющая современной казахстанской литературы в целом.

